

Последняя Комната

Анна Дубовская

Анна Дубовская
Последняя комната

«Издательские решения»

Дубовская А.

Последняя комната / А. Дубовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746864-4

Вся жизнь — она словно коридор. Очень длинный коридор со множеством дверей. За каждой дверью находится комната, в которую мы непременно заходим, оглядываемся, знакомимся с людьми, находящимися в ней. Все эти комнаты разные. В каждой свои герои и декорации. Но объединяет их лишь одно. Когда приходит время, мы должны снова выйти в коридор, и идти дальше, в следующую комнату. Никому не известно, в какой мы обретем себя. И сколько дверей нужно открыть, прежде чем зайдешь в свою последнюю комнату...

ISBN 978-5-44-746864-4

© Дубовская А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I ЛИЗА	6
Глава 1 Маяк и маятник	6
Глава 2 Новая дверь	18
Глава 3 Дом на окраине	25
Глава 4 Коридор	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Последняя комната

Анна Дубовская

© Анна Дубовская, 2024

ISBN 978-5-4474-6864-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I ЛИЗА

Глава 1 Маяк и маятник

*Моя свеча горела ночью,
Та ночь вся утонула в снах.
Огонь свечи, в моих глазах,
Был маяком слепой надежды,
На призрачный рассвет впотьмах.*

*Огонь свечи угас спонтанно,
Фантомный свет в глубоких снах,
Исчез и превратился в прах.
Стал призраком слепой надежды,
На солнечный рассвет впотьмах.*

Утро было холодным и пасмурным. Сизые тучи заволокли все небо, которое из-за этого казалось настолько низким, что вот-вот накроет город. Несмотря на то, что осень только началась, погода стояла довольно мрачная и промозглая, словно сейчас была никак ни меньше середина ноября.

Незадолго до того, как раздался телефонный звонок, начался дождь, мгновенно перешедший в ливень, и звук телефонной трели потерялся в его шуме. Но Владислав Валевский все равно мгновенно проснулся, резко сел на кровати и, прочистив горло, снял трубку. Мысли о том, что сейчас должно быть не больше шести утра, пронеслись у него в голове, и, надо сказать, он не ожидал, что Стахов позвонит так рано.

Однако в трубке послышался вовсе не голос партнера. А времени было не так уж и мало. Взглянув на часы, Владислав помрачнел. Они показывали половину десятого. Его не разбудили с работы, а это означало, что действительно нужно было беспокоиться из-за вчерашнего судебного заседания.

Мужчина поморщился и слишком резко произнес:

– Да, слушаю.

– Господин Валевский? – раздался женский голос на том конце провода после непродолжительного шума. Должно быть, собеседница была на улице и звонила с мобильного телефона.

– Слушаю!

– Господин Валевский, здравствуйте. Очень рада вас слышать, потому что последние несколько дней я пытаюсь до вас дозвониться, но вы не берете трубку, и я оставляла сообщения на автоответчике. Но вы ни разу не перезвонили. И тогда я даже решила отправить вам письмо по электронной почте. Оно дошло? Вы его получили? Так вот, если вы его не получили, то вы, должно быть, не в курсе дел. Конечно, вы не в курсе, вы же не отвечаете на звонки...

Визгливый голос продолжал трещать в трубке, когда Владислав грохнул ее с силой на аппарат, рискуя разбить его вдребезги. Разбираться в том, кто это звонил и зачем, у него не было ни малейшего желания. Единственное, что сейчас его волновало, так это вчерашнее слушание, на котором едва не разразился скандал. Тем временем телефон зазвонил снова, но на этот раз Владислав не стал снимать трубку, потому что номер, высветившийся на определителе, был тот же.

Обернувшись на шорох за спиной, он вспомнил, что не один, и это ему совсем не понравилось. Он окинул брезгливым взглядом женщину, спящую в его постели, пытаюсь вспомнить,

где именно встретил ее. Но, судя по тому, что не потрудился выпроводить ее ночью, он слишком много выпил, и попытки воссоздать в памяти картину вечера бесполезны.

Вчера, после длительных и утомительных выяснений по ходу судебного слушания со своим партнером Максимом Стаховым, единственным желанием Владислава было расслабиться, что он и делал в одном из самых дорогих баров в центре города. Изрядно выпив, он встретил там знакомых коллег, к которым присоединился, и ночь завертелась для него в водовороте ночных развлечений и незнакомых лиц.

Конечно, ему никогда не следовало забывать о том, что юрист должен себя вести таким образом, чтобы не подорвать доверие общества к его профессии. Но известный адвокат Владислав Валевский жил по своим собственным правилам и подчинялся лишь собственной морали, что, впрочем, ничуть не мешало его репутации. Победителям прощают многое, если не все, – так рассуждал господин Валевский. Тем более что подобные опрометчивые поступки были ему несвойственны, да и повода предаваться подобному распутству обычно у него не бывало, как, впрочем, и времени. Его время стоило довольно дорого и, как часто казалось самому Владиславу, ему не принадлежало. Из-за плотного графика судебных заседаний, на которых он выступал, Владислав редко позволял себе какой-либо отдых. Его, как одного из самых известных адвокатов Санкт-Петербурга, буквально разрывали на части.

Но вчера ему просто необходимо было выпустить пар. Однако едва ли это пошло ему на пользу, потому что на утро он не чувствовал себя хоть сколько-нибудь отдохнувшим. Напротив, голова его была тяжелой, а мысли мрачными.

Владислав поднял с пола пиджак, пошарил в его кармане и, найдя в нем бумажник, отсчитал несколько купюр, которые, вставая, не глядя, бросил на постель, со словами:

– Одевайся и убирайся отсюда.

По его мнению, это было вполне достойное прощание со случайной любовницей. Однако спустя каких-то пятнадцать минут, выйдя из ванной, он обнаружил купюры, валяющиеся кучей на смятой и уже пустой постели. Владислав вскинул бровь, искренне удивившись этому нелепому, по его мнению, жесту, но быстро выкинул из головы, как незаслуживающее его внимания, и вышел на кухню, чтобы сварить кофе покрепче. Валевский чувствовал, что сегодня его ждал день не из легких. И оказался прав.

В просторный, лаконично обставленный офис в одном из крупнейших небоскребов Питера, где находилось адвокатское бюро, в котором он работал, Владислав прибыл к одиннадцати часам. Он мог бы приехать и еще позже, но ему повезло миновать долгие пробки на дорогах.

Владислав вошел в офис в скверном расположении духа. Не говоря никому ни слова, мужчина быстро прошел в свой личный кабинет и принялся за работу. Так как к его суровому выражению на всегда сосредоточенном лице уже давно привыкли немногочисленные сотрудники, то никто не обратил на него никакого внимания.

Работа – вот что действительно было для него важно и что приносило ему ощущение полноты жизни. Стремительно развивающаяся карьера и открывающиеся возможности были для него ключевыми факторами, и он не щадил себя на пути к вожделенным вершинам. Берясь за самые сложные и запутанные дела, он с легкостью виртуоза выигрывал их, зарабатывая себе безукоризненную репутацию и крупные гонорары. Владислав Валевский был по натуре своей игроком, который уже давно позабыл, каково это, когда проигрываешь.

Одним из последних дел, над которыми он работал, являлось убийство. В деле был замешан представитель власти, довольно крупный чиновник. Дело было достаточно щекотливым и не требующим огласки. Но на вчерашнем заседании все пошло не по плану адвоката Валевского. Появился свидетель, показания которого перечеркивали всю выработанную Владиславом стратегию и могли привести к необратимым последствиям.

Настойчивый стук в дверь вывел Владислава из размышлений. Его секретарь и личный помощник была женщиной тактичной и успевшей за тот непродолжительный срок, что работала на него, изучить непростой и скверный характер Владислава. Но даже она иногда умудрялась нарушать его уединение в самый неподходящий для того момент.

– Я занят! – рявкнул мужчина, когда она вошла.

– Владислав Маркович, звонок из Калининграда по поводу недвижимости. Говорят, срочно.

– Что? – Валевский нахмурился, пытаясь сообразить, о чем идет речь. – Какой еще недвижимости?

– Вашей, – невозмутимо ответила секретарша. – Агент звонила несколько раз на прошлой неделе. Я вас информировала. Вы, должно быть, забыли.

Едва ли Владислав, поглощенный последние несколько недель подготовкой к вчерашнему слушанию, обращал внимание на что-то, не относящееся к уголовному процессу.

– У меня нет на это времени, – резко возразил он, поднимая трубку.

– Да, слушаю.

– Господин Валевский, наконец-то мы с вами связались! – уже знакомый визгливый голос вновь приветствовал Владислава. – Мы разговаривали утром, точнее, вы мне не успели ничего ответить. Нас разъединили. Помешали помехи на линии. Или дождь. Знаете, какой сильный ливень был в Питере! – услышал он восклицание. – Ах, ну да, конечно знаете, вы же там живете...

– Что там за идиотка? – отрывая телефон от уха, обратился Владислав к секретарше, которая, в свою очередь, лишь развела руками и поспешно удалилась, неплотно прикрыв за собой дверь.

– Какого черта вам от меня нужно?! – почти крикнул он в трубку.

Собеседница выбрала явно не лучший момент для того, чтобы испытывать его терпение. Однако резкий тон Владислава совершенно ее не задел, потому что после секундной паузы трубка взорвалась новыми возгласами.

– Как же? Я по поводу Вашего, господин Валевский, дома в Янтарном. Звоню вам из Калининграда. Я из агентства недвижимости. Риелтор, помните? Вам срочно нужно что-то предпринять, иначе наше агентство ничем Вам не сможет помочь!

– Мне? – Владислав искренне удивился. – Причем здесь ваше агентство и причем здесь вообще я? Эта развалюха уже давно не моя забота. Пусть новые хозяева разбираются в чем бы то ни было. Меня это уже не касается. Вы бы еще через год позвонили! До свидания!

Он уже хотел отключиться, как услышал то, что заставило его насторожиться.

– В смысле, через год? Какие новые хозяева?

– Которые купили дом, – с удивлением ответил Валевский после паузы.

– Здесь или какое-то недоразумение, или вы не в курсе. Дом никто не купил. Господин Валевский, вы по-прежнему единственный хозяин, – в голосе собеседницы также слышалось явное удивление.

– Мы действительно говорим об одном и том же доме номер 53 по улице Ольховской в поселке Янтарный Калининградской области?

– Разумеется, – последовал ответ, от которого мужчина опешил.

– Но как это возможно, если полгода назад я подписал документы для продажи дома? – недоумевал Владислав.

– Едва ли это возможно. Дом точно оформлен на Вас. И это не ошибка. Я звоню сказать, что если Вы все еще желаете продать дом, то Вам лучше привести его в более ухоженный вид. Клиенты, попросту говоря, разбегаются, когда видят, что там внутри, – собеседница замешкала. – Да и снаружи, надо сказать, все выглядит удручающе. Никто, знаете ли, не хочет вкладывать средства в уборку и вывоз мусора. Мало того, что район не самый удобный, так еще

и сам дом совершенно непригоден для жилья! И мы не первое агентство, которое пыталось продать этот дом. Вы же и до нас заключали договора с риелторскими агентствами Калининграда!

– Продайте за те деньги, которые предлагают! – воскликнул Владислав в ответ.

– Но никто не предлагает даже минимальной цены. Никто даже не звонит по поводу вашего дома. Ни одного звонка за лето... и весной я ездила всего пару раз показать объект. А ехать, знаете ли, не близко. Полтора часа минимум.

– И что вы от меня хотите? – более спокойно осведомился Владислав.

– Вам лучше приехать и решить проблему на месте. Вы же понимаете, почему дом не нравится покупателям?

– Догадываюсь, – сухо ответил он. – Меня больше волнует, почему он все еще мой, – многозначительно произнес Валевский, отключаясь.

Он задумался на некоторое время, пытаясь понять, как такое недоразумение могло произойти. Старый дом в Янтарном был продан полгода назад или около того. Он точно помнил, как подписывал бумаги.

– Екатерина Владимировна!

Секретарша незамедлительно возникла на пороге.

– Слушаю вас.

– Вы же говорили, что дом в Янтарном купили?

– Владислав Маркович, прошу прощения, но я работаю у вас только с мая. Должно быть, моя предшественница занималась этим делом. Я не в курсе, но могу проверить, если Вам это нужно.

– Да, черт возьми, мне это нужно! Проверьте как можно скорее.

Спустя час Владислав получил подтверждение тому, что дом в небольшом поселке городского типа на побережье Балтийского моря в Калининградской области, доставшийся ему более года назад в наследство от покойного дяди, действительно все еще принадлежит ему. Нашлись и документы, которые, как Владислав помнил, подписывал несколько месяцев назад. То был договор с агентством риэлтерских услуг в Калининграде, которое имело полномочия благодаря этому договору без присутствия хозяина показывать дом покупателям и проводить все необходимое процедуры для подготовки объекта к продаже. С представительницей данного агентства Владислав как раз говорил сегодня по телефону.

Дом не представлял никакой ценности для него, скорее наоборот, свалившееся наследство вызывало лишь раздражение. Он поручил заниматься всеми формальностями касавшейся продажи недвижимости своей секретарше и благополучно забыл о нем, думая, что все уже давно улажено.

Новость о том, что дом все еще принадлежит ему, стала для Владислава неожиданной. Но, анализируя нынешнее положение дел и принимая во внимание вчерашнее слушание, она явно проигрывала, и Валевский отодвинул ее на второй план. Однако забывать вовсе об этом он не собирался. Напротив, ему хотелось покончить с продажей ненужного имущества как можно скорее. И если для этого потребуются его присутствие, он найдет время, чтобы слетать в Калининград. Но не сейчас. Сейчас ему было необходимо уладить дела, касающиеся свидетеля, появившегося вчера в суде.

Владиславу нужно было поговорить с хозяином небольшого модельного агентства. Одна из девушек, работающая в нем, была тем самым ненужным свидетелем, и, явившись вчера на заседание, она дала показания не в пользу подзащитного Валевского. Как адвокат он знал, что ее показания ничем не подкреплены, но сам факт ее появления сыграл с ним злую шутку, которая в будущем могла ударить по его репутации. Тем не менее, он был уверен, что ситуация образуется.

Ближе к вечеру Владислав отправился на эту не самую приятную встречу. Но как только по нужному адресу никакого модельного агентства он не обнаружил, уверенность его в том, что все уладится, пошатнулась.

Ситуация принимала невыгодный во всех отношениях оборот для Владислава Валевского, и он испытывал ужасное раздражение от собственной беспомощности по этому поводу. Мало того, что он приехал на другой конец города, потратив на это уйму времени, так еще и оказалось, что это бесполезно. Хотя всего несколько дней назад он уже был здесь и разговаривал с хозяином, который поклялся, что девчонка не высунется...

Владислав находился в отдаленном районе города и в небольшой местный бар забрел совершенно случайно, даже не взглянув на вывеску, которая многообещающе указывала на то, что заведение рассчитано преимущественно на мужскую аудиторию. Дорогих и шикарных заведений, как в центре города, конечно, здесь не было, но Владислава это даже обрадовало. Едва ли здесь можно было наткнуться на знакомые лица. А ему сейчас нужно было побыть одному и подумать, что делать дальше. Он просто решил, что это место вполне сойдет для того, чтобы провести здесь случайный вечер.

Зайдя внутрь и окинув скупающим взглядом немногочисленных танцовщиц, Владислав уже хотел было пройти к барной стойке и заказать себе выпить, когда его внимание привлекла длинноволосая невысокая блондинка, танцующая на крошечной сцене вдалеке справа от него.

Валевский остановился и невольно принялся разглядывать девушку. Он не мог понять, что именно его заинтересовало, но он словно не мог отвести от нее глаз. Надо сказать, что красавицей она вовсе не была, но ее внешность буквально притягивала взгляд. Тяжелый грим на ее чересчур бледной, словно фарфоровой коже делал лицо совершенно бесстрастным. Он лишь подчеркивал неподвижные тонкие черты, которые складывались в выражение застывшей маски. Ее костюм напоминал какие-то красные лохмотья, но не выглядел вульгарно, скорее несуразно. Кроме всего этого, девушка танцевала совсем иначе, чем другие. Она будто играла, только не на публику, а для себя, не замечая никого вокруг. Она абстрагировалась от всего окружающего. В то время как другие девицы извлекали из танца как можно больше выгоды, а именно денег, щедро протягиваемых полупьяными гостями этого заведения, эта девушка словно рассказывала танцем историю: то кружилась, то останавливалась, делая плавные движения, которые тут же снова переходили в более резкие. Если другие продавали себя, она – свое искусство, каким бы дешевым оно ни было. На фоне других девушек она смотрелась словно инородный элемент: босоногая, с растрепанными волосами, какая-то угловатая и слишком худая.

Музыка нарастала, ритмы становились грубее. Владислав огляделся и понял, что, похоже, только его одного привлекает ее странный танец. Все остальные немногочисленные посетители жадно пожирали глазами смуглую фигуристую девушку, которая извивалась на соседних подмостках. Он снова перевел взгляд на ту, в красном, и обратил внимание, что в отличие от других девушек, которые поглядывали на посетителей, стараясь привлечь к себе их внимание, она смотрела куда-то вверх. Непроизвольно, Владислав тоже поднял глаза к потолку, словно хотел разобраться в том, что же там такого интересного она видит. На потолке алым светом в тон ее наряда сияли искусственные звезды. Не заметив ничего, кроме этих пошлых огоньков, неизменного атрибута такого рода заведений, Владислав пожал плечами и отвернулся, сбрасывая оцепенение.

Он направился к барной стойке. Музыка тем временем поменялась, и девушка исчезла.

Валевский просидел в баре еще довольно долго, осушая один стакан за другим, но не чувствуя опьянения, и ушел далеко за полночь. Девушку он больше не видел.

Несмотря на то, что лето уже закончилось, погода стояла довольно теплая. Воздух днем прогревался настолько, что некоторые местные жители приходили на побережье, чтобы позагорать.

Однако сегодня море было беспокойным, а берег – пустынным. Лишь одинокая фигура виднелась вдаль. Мужчина неподвижно стоял у кромки воды или шел так медленно, что издали невозможно было разобрать.

Лиза сидела на старой деревянной скамейке и смотрела вдаль, на воду. Волны, подгоняемые несильным ветром, с легким шумом ударялись о берег, размеренно нарушая тишину. На какое-то время ветер стихал, и море становилось обманчиво спокойным, а воздух казался неподвижным. В такие мгновенья время словно застывало. Затем ветер снова принимался за свою работу, и вода приходила в неистовое движение, рассекая своим шумом тишину. В небе, громко крича, бешено носились чайки, но их крики действовали на Лизу успокаивающе.

Она приходила сюда каждый день. Вот уже неделю. Приходила просто посидеть у воды, слушая птиц, глядя на воду и ощущая кожей ветер, который прилетал, казалось, из самого сердца моря. Все это было своего рода ее лекарством от мыслей. Здесь она не думала. В те часы, что Лиза проводила на побережье, ее, как бы ни существовало. Она ощущала себя бесплотным и невидимым созданием, которое являлось всего лишь частью чего-то необъятного, в чем она растворялась без остатка. В ее голове не было места мыслям, тревогам и целям. Одна лишь пустота наполняла ее. Пустота в голове, пустота в теле. И в жизни. Колючая, пронзительно острая, но такая же бесплотная и в то же время обволакивающая, как вода.

Лиза любила встречать рассвет на побережье, сидя на скамейке и наблюдая, как свет маяка тускнеет в лучах восходящего солнца. Отчего-то смотреть на маяк она любила больше всего. Ей нравилась представлять, что в глухой темноте плавают корабли, для которых этот маяк является единственным проводником к берегу.

Здесь, на побережье, она часто вспоминала Вадима. Ей было жаль его бессмысленно прожитой жизни. Было жаль и своей жизни, которая становилась точь-в-точь такой же. На Лизу волнами накатывало ощущение, что она делает что-то неправильно. Ощущение безысходности и этой проклятой пустоты. Но она не знала, что с этим делать, как что-то исправить. Не видела выхода. Да, честно говоря, и не было у нее сил что-то исправлять. Единственное, чего ей хотелось, так это спокойствия.

Время летело стремительно. Она почти не заметила, что лето сменилось осенью. Иногда она задумывалась о том, как поразительно быстро проходит время, утекает, словно вода в землю. Но Лиза не замечала времени уже давно. Не осознавала его, как не осознавала своего возраста. Ей было двадцать два года, но ей казалось, что она всегда была одинаковой, что выключился в какой-то момент счетчик времени, а она этот момент пропустила и теперь навсегда остановилась в своем развитии.

Внезапно ветер усилился, и небо заволочло серыми тучами, сквозь которые солнце просвечивало бледным густком света. Лиза оглянулась по сторонам. Вокруг не было ни души. Лишь вдалеке выделялась та одинокая фигура человека, стоящего на месте.

Воздух заметно похолодел, и Лиза поежилась в своей огромной вязаной кофте. Стоило одеваться теплее. Все-таки уже конец сентября, – подумала про себя девушка. Но, несмотря на холод, она не сдвинулась с места. Ей нравилось ощущение, которое она внезапно испытала. Ей нравилось чувствовать хоть что-то.

Она достала из потрепанной сумки пачку сигарет и закурила. Последнее время она стала много курить. Много даже по своим собственным меркам, но сигареты успокаивали. Привычка являлась своего рода опорой, ориентиром в ее никчемной жизни. Глупо, но именно так и было. Лиза глубоко затянулась и посмотрела вдаль берега. Темная фигура увеличилась в размере. Человек приближался.

Спустя две недели после того, как Владислав Валевский получил подтверждение новости о том, что дом в Янтарном действительно не был продан, он оправился в Калининград. В его напряженном графике выдалось немного свободного времени, и, несмотря на то, что впереди его ожидало два крупных дела, которые предполагали череду судебных заседаний, Владислав решил на выходные отправиться в Калининград, чтобы разобраться с этим делом на месте.

Дом в поселке Янтарный в пятидесяти километрах от Калининграда, он получил в наследство от умершего брата своего отца, дяди Владимира. Полтора года назад старик скончался в больнице, куда попал незадолго до этого с обширным инфарктом. И с тех пор Владислав не появлялся ни в Калининграде, ни уж тем более в Янтарном. Заботы о продаже дома он поручил местному агентству риэлтерских услуг и, надо сказать, надеялся, что эта задача не окажется настолько сложной. Но, судя по всему, крупно ошибся. Владислав всерьез был уверен, что уже давно избавился от ненужного наследства, а вырученные за него деньги вложены в инвестиции. Во всяком случае, именно такие распоряжения он отдавал. И одному Богу известно, с чего безмозглая секретарша, которая работала у него в то время, взяла, что дом продан. В любом случае, теперь очевидно, что это не так. И причина тому была настолько несуразна, что совершенно не укладывалась у Владислава в голове.

Хозяин дома, Владимир Иванович Валевский, был профессором в университете. Он занимался историей и археологией и имел не вполне адекватное, на взгляд своего племянника, хобби. Он коллекционировал старинные вещи. Но если бы это действительно был достойный антиквариат! Так нет, дядя Владимир собрал в своем доме грошовое барахло, казалось, со всех уголков мира. Его двухэтажный коттедж был напичкан хламом разной степени дряхлости: мебель, книги, картины, посуда, предметы быта и еще куча всего было только малой долей того, что вмещало в себя его жилище, которое само по себе представляло памятник далекого прошлого.

После смерти хозяина дом остался в том же виде, и Владиславу, однако, не пришло в голову, что весь этот хлам станет препятствием для его продажи. Тем более не мог он подумать, что ему лично придется явиться в Калининград для решения этой, казалось, элементарной задачи. Но факт оставался фактом: никто из тех немногочисленных покупателей, которые в течение целого года заинтересовались данным объектом, не хотел покупать его. А продать дом Владиславу очень хотелось. Не из-за денег, а скорее из-за желания довести начатое дело до конца и покончить с этим. Владислав не хотел признаваться, что отчасти причиной было желание избавиться от ненужных воспоминаний.

В этом доме прошло его детство. Каждое лето он приезжал к своему дяде и проводил три беззаботных месяца со своими приятелями, проживающими по соседству. Ребята были ровесниками и весело проводили время. Эти годы запомнились Владиславу как самые счастливые в его жизни. Но он вырос, и все изменилось. Он окончил школу, потупил в университет и перестал приезжать Янтарный. Годы шли, и он вовсе позабыл о том месте, где был так бесхитростно счастлив. Он был совсем другим тогда, но привык считать, что изменился не он сам, а мир вокруг, и испытать прежние чувства уже невозможно.

Прилетев в Калининград, Валевский остановился в гостинице, взял машину в прокат и первым делом отправился в агентство, которое занималось продажей дома. Его встретила та самая сотрудница, которая звонила ему в Питер. Она любезно порекомендовала Владиславу для начала привести дом в более или менее нормальное состояние, ссылаясь на то, что его просто-напросто невозможно нормально осмотреть из-за завалов вещей и мебели, через которые нужно протискиваться, чтобы попасть куда-либо дальше гостиной. А уж потом выставлять на продажу. Когда он попытался объяснить этой бестолковой, по его мнению, женщине, что завален работой, проживает в Санкт-Петербурге и у него попросту нет времени на подобные вещи, и, наконец, предложив ей самой этим заняться за отдельную оплату, Валевский полу-

чил твердый отказ, что буквально привело его в ярость. Поняв, что к обоюдному соглашению они не придут, он тут же отказался от услуг фирмы, забрал ключи от дома и покинул офис, не попрощавшись и громко захлопнув за собой дверь.

Позже, по пути в Янтарный, он подумал, что, возможно, погорячился так скоро отказаться от услуг этого агентства. В памяти всплыла информация о том, что оно не первое в Калининграде, которое занималось продажей злополучного дома. А это означало, что, возможно, найти нового риэлтора, который возьмется за это, будет непросто. Но Владислав решил, что разберется с этим позже. Пока он хотел сам взглянуть на дом.

Дорога заняла немного больше часа.

Дом встретил Владислава своим мрачным и унылым видом, но ничего другого увидеть он и не ожидал. Мужчина осмотрел его с особой тщательностью и, наконец, когда полностью удостоверился, что состояние его еще более запущенное, чем он себе мог представить, вернулся в машину.

Нет ничего удивительного, что никто не хочет это покупать, – хмыкнул он про себя, осматривая обветшалый фасад и заброшенный заросший сад. Владислав понял, что ему необходимо придумать, каким образом как можно быстрее привести дом в порядок и, наконец, продать его, чтобы больше не возвращаться в эту забытую богом местность. С этими мыслями он завел двигатель автомобиля, намереваясь вернуться в город.

Выходные, проведенные в Калининграде, показалась Владиславу бесконечными. Не желая оставаться в доме, он вернулся в город в то же день, как осмотрел свое наследство. Накануне он почти лишился сна из-за напряженной работы и чувствовал себя довольно вымотанным. Хотелось как можно скорее вернуться домой, в Санкт-Петербург, но впереди его ждали дела.

Валевский объехал несколько агентств города, занимающихся покупкой и продажей недвижимости, но везде его ждал вежливый и настойчивый отказ. Скорее всего, слух о доме номер 53 по Ольховской улице поселка Янтарный Калининградской области уже облетел все агентства, если не весь мир, – с негодованием думал он. Это осложняло дело, и Владислав раздражался все больше и больше.

Уже вечерело, когда он пришел на побережье. Бросил машину и пошел прогуляться вдоль моря. Вокруг не было ни души, и это его обрадовало. Владиславу нужно было подумать и проанализировать последние события. Воздух был весьма прохладным, но он предусмотрительно тепло оделся, и холод мало волновал его.

Он размышлял о том, что пора было возвращаться в Питер, но прежде хотелось раз и навсегда покончить с домом, чтобы не возвращаться к этому в будущем. Владислав мог позволить себе остаться тут еще максимум на пару дней, за которые, по всему видимому, ему нужно будет нанять машину и грузчиков, чтобы разобрать весь хлам и вывезти его. После чего нужно будет сделать фото дома и снова искать агента. Но что делать с ремонтом? В доме протекала крыша и скрыть это было невозможно.

Внезапно Владислав почувствовал усталость и какую-то опустошенность. То ли от переизбытка кислорода, то ли от хронического недосыпа у него разболелась голова и стала тяжелой. Он уже повернулся, чтобы уйти с берега прочь, как вдруг увидел вдали кого-то, сидящего на скамейке. Сам не зная зачем, он двинулся в ту сторону и, приблизившись, увидел, что на скамейке сидела девушка, которая, судя по клубам дыма вокруг, курила.

Неожиданно Владислав понял, что тоже хочет закурить. В редкие минуты морального изнурения ему всегда нестерпимо хотелось сигарету. Он не имел привычки потакать своей слабости, считая курение недостойной привычкой, но сейчас он был на взводе, и ему было необходимо успокоить нервы. Пусть и таким банальным способом.

Повинуясь своей прихоти Владислав подошел ближе к девушке, сидящей к нему спиной, и без какого-либо приветствия спросил:

– Сигаретой не угостите?

Он заметил, как она вздрогнула от неожиданности и резко обернулась к нему вполоборота.

– Не хотел вас напугать, – произнес он, разглядывая ее профиль.

– Ничего, – ответила она.

Не вставая, она протянула ему полупустую пачку сигарет. При этом девушка не взглянула на Владислава и оставалась сидеть таким образом, что он по-прежнему не видел ее лица полностью.

– И зажигалку, если можно, – спросил мужчина, беря протягиваемые ему сигареты, на которые он даже не опустил взгляд.

Девушка начала нервно рыться в своей тряпичной бесформенной сумке, а он в это время продолжал ее разглядывать, ожидая, как она вскинет подбородок и встретится с ним глазами. Затем улыбнется и начнет заискивать в поисках предложения продолжить знакомство. Не то, чтобы Владиславу сейчас этого хотелось, скорее он просто привык к одинаковому сценарию, который предсказуемо разыгрывался, когда в его окружение появлялась незнакомая женщина.

Наконец, найдя зажигалку, девушка протянула ее Владиславу через свое плечо, еще сильнее развернувшись лицом к морю. Но от него не ускользнуло, что, тем не менее, она краем глаза его видела. Поэтому, когда, прикурив, он протянул сигареты обратно, она покачала головой и быстро ответила:

– Там всего одна. Оставьте себе.

После чего встала, собираясь уйти прочь, но Владислав ей помешал.

– Сегодня прохладно, – заметил он, окидывая девушку взглядом с головы до ног.

На ней были узкие черные джинсы, которые подчеркивали тощие ноги, и светлая вязаная кофта непонятного фасона и такого огромного размера, что складывалось впечатление, будто снята с чужого плеча. Весь ее облик был бы ничем не примечателен, если бы не волосы, которые своим пшеничным цветом сливались с оттенком кофты. Темные, кое-где почти черные пряди, напротив, выделялись на ее светлом фоне. Пожалуй, эти слишком длинные и растрепанные волосы, скрывающие одну половину ее лица, являлись единственным, что привлекало к ней внимание.

– Да, – как-то машинально ответила она и замерла на секунду, стоя к нему спиной вполоборота.

Почему-то именно в это мгновение ее облик показался Владиславу смутно знакомым. Пристально сощурившись, он искоса посмотрел на нее более внимательно и сделал шаг ближе.

Владислав подумал, что мог бы поклясться, будто видел ее раньше. Сам не зная почему, но он непременно хотел вспомнить, где именно. Она тем временем не подавала вида или действительно не замечала, что он ее разглядывает.

От Владислава не ускользнуло, что она явно нервничала в его присутствии. Она теребила в руках свою сумку, и это выдавало ее.

Когда она как бы между делом вскинула голову и посмотрела в небо, Валевский понял, что, кажется, он припоминал, где встречал ее ранее. Хотя? Слишком уж странное совпадение. И тогда было темно. Что ж, есть способ проверить.

Владислав усмехнулся и перевел взгляд на волны.

– Сколько? – тут же негромко спросил он, и в его голосе слышалась неприкрытая усмешка.

Она стояла к нему спиной и продолжала молчать, делая вид, что не слышала вопроса. Это озадачивало и почему-то одновременно раздражало. Владислав ожидал совершенно иной реакции. Ему вдруг стало не по себе. Хотелось как можно скорее увидеть ее лицо, чтобы удостовериться, что это именно та девица в красных лохмотьях из забегаловки на окраине Питера.

Хотя шанс встретить именно ее здесь, в Калининграде, был ничтожно мал. Скорее это должно было быть странной случайностью.

– Что? – обернулась она наполовину, и Валевский явно услышал в ее тоне нескрываемое презрение.

Ему это не понравилось, но он повторил вопрос.

Снимать вот так на улице девку на ночь не было его привычкой. Однако сейчас он был не прочь небольшого развлечения. Почему нет? Она, конечно, совсем не в его вкусе, но что-то притягательное в ее бесплотной и невзрачной внешности, несомненно, было. Владиславу хотелось увидеть ее лицо.

Когда его терпение уже иссякло, и он хотел было уже окликнуть ее снова, девушка, наконец, полностью обернулась к нему, небрежным жестом откидывая с лица волосы. Валевский застыл.

– Не нравится? – спросила она ледяным тоном, пристально глядя на мужчину и он готов был поклясться, что в ее голосе проскользнула насмешка.

Владислав не сразу понял, что отрезвило его больше: синяки и кровоподтеки на припухшей скуле вкупе с наполовину разбитой нижней губой, или отчаянная, нечеловеческая злость, блеснувшая в ее светлых глазах.

Еще секунду, и она, казалось, развернется и уйдет прочь. Оставит после себя лишь злую насмешку, повисшую в воздухе, и запах сигаретного дыма, смешавшегося с тлетворным, слишком откровенным ароматом ее духов, которым насквозь была пропитана ее не по фигуре объемная одежда. И отчего-то Владислава пронзила мысль, что позволить ей уйти он не может. Разбираться почему в этот момент, на его удивление, не особо хотелось.

– Вы меня превратно поняли, – медленно произнес он, не отрывая взгляда от ее лица и понимая в тот же момент, что это точно она.

Он не ошибся.

Но что он несет?!

– Я видел вас в том клубе в Питере.

Владислав замялся, что было на него совсем не похоже.

Девушка тем временем разглядывала его все с той же враждебностью и настороженностью, словно ожидая, что он выкинет нечто для нее опасное.

– И что? – нехотя поинтересовалась она. – Если вы меня там видели, то, по-вашему, можно вот так подойти на улице и предложить деньги за... – она замешкалась. – Не по адресу обратились! – срывающимся хриплым голосом выпалила она и резко развернулась, чтобы уйти прочь.

Владислава возмутила эта попытка поставить его на место. И он небрежно откликнулся ей вслед:

– К чему столько эмоций? Я не предлагаю вам деньги за то, что бы вы спали со мной, – в его голосе ясно звучало пренебрежение. – В этом плане, уж поверьте, вы меня не интересуете.

Не то, что бы он рассчитывал, что девушка остановится или хотя бы обернется. Владислав уже потерял к ней всякий интерес. Оставалось лишь только раздражение. Просто он не привык, что ему отказывают. Вот так все банально. Всегда отказывает он, а не ему.

Однако, вопреки ожиданиям, девушка все же остановилась и медленно обернулась.

– И что же тогда вам нужно? – притворно любезным тоном поинтересовалась она.

Этого Владислав не ожидал.

– Хочу предложить вам работу, – бросил мужчина ей вслед. И зачем-то добавил:

– Нормальную.

Эта опрометчивая фраза вырвалась быстрее, прежде чем он успел обдумать ее последствия.

– У меня уже есть. Спасибо.

– Я вижу. И, судя по всему, это не лучшее место, где вы могли бы оказаться, – с неприкрытым сарказмом ответил он, пристально наблюдая за ее реакцией.

Но она выдержала этот взгляд и, вопреки ожиданиям Владислава, не стала отворачиваться или закрывать синяки волосами. Он мог бы поспорить, что ситуация ее даже забавляла, хотя ожидал отнюдь не такой реакции.

– Моя работа меня полностью устраивает, – парировала она, давая понять, что разговор окончен. – До свидания.

– Ну, еще бы, – с явной издевкой ответил Валевский. – Нисколько не сомневаюсь в этом. И ваше лицо прямое тому доказательство. Ведь не будете же вы утверждать, что случайно упали и тому подобное, что принято говорить в таких случаях. Это была бы слишком неубедительная ложь.

– А вот это уже не ваше дело, – огрызнулась девушка.

Владислав понимал, что пора было заканчивать этот бессмысленный диалог, но отчего-то ему было любопытно наблюдать, как она злилась.

Прежде девушка показалась ему совсем юной, но, подойдя ближе, он заметил, что это не совсем так. Да, она была невысока ростом и достаточно худощава, что делало ее с первого взгляда похожей на подростка. Он пригляделся к ней внимательнее. Невозможно было угадать, сколько ей лет. Весь ее облик указывал на то, что едва ли больше двадцати. Но в то же время у нее был такой тусклый и усталый взгляд. Такой взрослый взгляд.

– Конечно, не мое. Я просто предлагаю вам работу, – развел руками он. – Вам ведь нужны деньги? – спросил он и тут же сам ответил: – Кому они не нужны?! Назовите цену вашего времени, и мы обсудим детали.

– Привыкли все покупать? – сощурилась девушка. – Так вот, послушайте, я не по этой части.

– Потому что у всего есть цена, – Владислав пожал плечами, отвечая на ее вопрос и игнорируя последнее утверждение.

Девушка вела себя слишком развязано, по его мнению. И Владислава это все больше раздражало.

– Если передумаете, заезжайте. Янтарный, улица Ольховская, 53. Последний дом на окраине, – он словно выплюнул сказанное.

И тут произошло нечто странное. Или ему показалось, или в ее глазах действительно промелькнула растерянность и какая-то настороженность.

– Повторите, – тихо произнесла она.

– Янтарный, улица Ольховская, 53. Последний дом на окраине, – медленно и четко повторил Владислав, глядя в ее лицо. Он даже наклонил голову набок и улыбнулся одним уголком губ, ожидая ее реакции.

– И что там? – небрежно спросила она.

Мужчина пожал плечами.

– Дом. Всего лишь дом.

– Я имею в виду, что именно там нужно делать?

– Проконтролировать процесс приведения его в более презентабельный вид перед продажей. Не волнуйтесь, я там не живу, – он пренебрежительно скривился. – Мне этим заниматься некогда, – добавил Владислав после небольшой паузы.

Девушка окинула его презрительным оценивающим взглядом и после секундного замешательства резко бросила:

– Мне тоже.

После чего развернулась и пошла прочь. А Владислав провожая ее взглядом, почувствовал, как неприятный осадок из смеси досады и неудовлетворенности оседал внутри него. Это ощущение совершенно ему не нравилось, как и та зыбкость, которая появилась в его жизни, как

он думал с приездом в Калининград, и природа которой была ему неизвестна. Владислав не мог отделаться от ощущения, что внутри него зародился невидимый маятник, который начал резко раскачиваться из стороны в сторону, нарушая тем самым внутренний порядок, его идеальную и нерушимую организацию мыслей и поступков, которой он следовал годами.

Сбросив оцепенение, он резко развернулся и направился прочь. Он принял решение сейчас же вернуться в Питер. Однако спустя каких-то полчаса, уже подходя к гостинице, передумал. Здравый смысл подсказывал ему, что, располагая еще парой свободных дней, стоило задержаться здесь для того, чтобы окончательно разделаться с вопросом продажи дома и тогда уже уехать отсюда навсегда.

Глава 2 Новая дверь

Осень – это опавшие листья и холодный ветер. Ветер, который несет листья на своих крыльях.

Иногда свою жизнь нужно отдать в руки такому вот ветру. Позволить ему подхватить ее на свои крылья. Ветер будет кидать ее из одной крайности в другую: сегодня он подарит слезы, а завтра – счастье. Но обязательно однажды он принесет ее туда, где душа найдет свой покой. Тогда ветер улетит, забрав с собой разочарование и боль.

Даже со дна ветер поднимает листья...

Лиза медленно шла по дороге, и гравий шуршал под ее ногами, нарушая вечернюю тишину. Поблизости никого не было, но это ничуть ее не смущало. Девушка, напротив, была рада безлюдности вокруг. Она не торопилась, по пути озираясь вокруг и разглядывая расположившиеся по обе стороны улицы небольшие домики с живописными ветвистыми садами. В этой части города Лиза была всего несколько дней назад, но все равно плохо помнила, сколько еще идти до нужного ей места.

Слишком быстро темнело, и виной тому были сгущающиеся тучи. Небо стремительно заволакивало темно-серыми, кое-где почти черными грозowymi тучами. Дождь, который собирался весь день, начал моросить внезапно, и его несмелый шум вынудил девушку ускорить шаг. Она занервничала, подумав о том, что стоило бы выйти пораньше, чтобы успеть добраться до темноты.

Городок, а точнее поселок городского типа, в котором она оказалась, был небольшим и спокойным, но сейчас Лиза находилась в его самом отдаленном районе, а длинная улица, по которой она шла, должна была привести девушку еще дальше, на самую окраину. Лучше было поторопиться. Она могла бы взять машину, но отчего-то передумала. Тем более ей нужно было экономить. Лизе всегда нравилось ходить пешком, и кроме того, сейчас ей необходимо было время, чтобы еще раз все обдумать. Вот только из последнего у нее ничего не выходило. В голове не было ничего, кроме мыслей о том, что если дождь пойдет сильнее или того хуже, начнется ливень, то он застанет ее врасплох. Лиза ощущала тревогу, но, несмотря на то, что унять ее не получалось, старалась не замедлять шаг.

Дойдя почти до конца улицы и завернув за высокие кусты, из-за которых тут же показалась уже знакомая ей крыша, Лиза оказалась между двух домов, стоящих по диагонали друг от друга. Это были крайние дома, помимо которых других жилых строений в конце улицы не было. Дорога, однако, тут не заканчивалась. Дальше она сужалась и вела через посадки к реке.

Лиза остановилась, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Она осмотрелась, и ее взгляд остановился на одном из домов – красивом аккуратном коттедже, выкрашенном в светло-розовый оттенок. Даже в сгущающихся сумерках он смотрелся как игрушечный. Два фонарика – один у калитки, второй у самой входной двери – прекрасно освещали участок. Ровные кусты и деревья занимали все пространство перед фасадом дома, а на убранных от опавших листьев газонах были разбиты многочисленные симметричные клумбы. Лиза с удовольствием разглядывала этот чудесный сад, искренне сожалея, что ей нужен не этот дом, а другой. Тот, что на противоположной стороне улицы...

Незадолго до смерти Вадим, словно предчувствуя беду, не раз упоминал своего старого приятеля, живущего в небольшом городке в Калининградской области. Он говорил, что если Лиза останется одна и у нее будут трудности, в случае необходимости она может обратиться к этому человеку. Они были давними приятелями, и Вадим был уверен, что его друг примет Лизу. Она сможет остановиться у него на какое-то время, найти работу и начать новую жизнь

после той, что была у них в Питере. Вадим дал ей клочок бумаги, на котором был нацарапан адрес, но Лиза не воспринимала его слова всерьез и бумажку с адресом выбросила.

Прошло почти полгода после его смерти, и много чего произошло, прежде чем она случайно нашла эту бумажку в кухонном шкафу. К тому времени в ее жизни наступили нелегкие дни, а о существование друга Вадима, живущего в неизвестном ей городе, название которого ровным счетом ей ни о чем не говорило, она вовсе позабыла.

Лиза не знала, что именно за дела вел Вадим, но после его смерти к ней пришли люди, которые представились его знакомыми и которым он якобы задолжал деньги. Много денег. Сумма была настолько большая, что Лиза не могла и представить, где можно взять такие деньги. Они начали угрожать Лизе, сказали, что ей придется выплачивать долг или работать на них. Последнее означало продавать наркотики в баре, где она работала официанткой, или в другом подобном месте. Она отказалась. Она испугалась. Связываться с такими делами Лиза категорически не желала, поэтому договорилась о выплате долга частями. У нее не было ничего, что можно было бы продать, а на работе в баре она получала не так уж много. Лиза выкручивалась до тех пор, пока с нее не начали требовать больше и больше. Ей объяснили, что чем больше времени проходит, тем большие проценты ложатся на сумму, увеличивая ее.

Лиза послала всех к чертям.

На следующий день ее встретили после работы и избили так сильно, что несколько дней она не выходила из дома. Ее выставили с работы. Оставаться на съемной квартире в Питере было не безопасно. Ее положение было таким отчаянным, что она готова была последовать за кем угодно и куда угодно, лишь бы это было выходом. Та смятая бумажка, на которой Вадим написал ей адрес, стала своего рода шансом, который у нее появился. Лиза осознавала, что дорога, по которой она шла, оборвалась, и ей придется начинать все с нуля. Одной. Придется выбирать себе путь. И она выбрала. Она уехала из холодного Питера в неизвестность, не оставляя после себя никакого следа.

Как только оказалась в Калининграде, Лиза первым делом отправилась на вокзал и села на автобус до Янтарного. Но по нужному адресу она увидела лишь двухэтажную развалюху, заброшенный дом с одичалым садом и покосившимся забором, около которого в кустах виднелась потрескавшаяся вывеска с указанием, что дом продается. На всякий случай, постучавшись, Лиза помялась несколько минут на пороге и ушла.

Вернувшись в Калининград, она позвонила по указанному на вывеске телефону и выяснила в агентстве, которое занималось продажей дома, что его хозяин скончался более года назад и с тех пор дом выставлен на продажу. Женщина риэлтор, с которой Лиза говорила по телефону, с готовностью предложила показать ей, как она выразилась, дом с прекрасным садом и весьма выгодной ценой, если, конечно, ее заинтересовал данный объект. Но она повесила трубку, не дослушав до конца.

В тот день она долго бродила по городу и пыталась понять, что ей делать дальше. Лиза сама не заметила, как пришла на побережье. Она долго ходила босиком по прохладной воде, наслаждаясь ее ласкающими волнами и слушая их шум. Подбирала камни и соревновалась сама с собой, кидая их как можно дальше в море. Море заставило ее улыбаться, и Лиза оценила это. Пожалуй, именно тогда она поняла, что не хочет возвращаться в северную столицу. Да и не к чему было возвращаться. В Питере у нее ничего не осталось. Только воспоминания, которые она хотела бы навсегда стереть из своей памяти. И если Питер был городом ее воспоминаний, ее недавнего прошлого, то незнакомый Калининград стал для нее шансом начать жизнь с чистого листа. Лиза осталась в Калининграде только лишь потому, что ей некуда было возвращаться. А может, потому, что она сразу полюбила морское побережье, на котором расположился город.

Вот так она очутилась в городе, где ветер несет запах соли в лицо, где небо огромным покрывалом укутывает с головой, укрывая от боли, живущей внутри нее, и страха, ставшим ее вечным спутником.

Она начала с поиска работы и жилья. Денег, которые у нее были, едва хватало еще на оплату нескольких дней в недорогой гостинице. Лизе нужно было срочно что-то предпринимать. Она искала подходящую работу, но везде ей отказывали из-за отсутствия опыта или она сама отказывалась по причине слишком сложных для нее условий, которые ей предлагали. Лиза не могла стоять за прилавком и мило улыбаться посетителям магазинов. От улыбок у нее начинало болеть лицо. Не хотела отвечать на телефонные звонки и варить кофе или еще что-то в этом духе. Она хотела приходить, выполнять, уходить. Молча, без улыбок, без общения. Может быть, она плохо искала, а может быть, все двери разом закрылись для нее до тех пор, пока она не подошла к нужной.

Проходило время, и ничего не менялось. Лиза уже отчаялась. Она не знала, что ей делать и чувствовала себя такой измотанной. Но она не могла и подозревать, что спустя неделю ей встретится незнакомец на пляже, который, предлагая сомнительную работу, назовет тот самый адрес, что дал ей Вадим. Ошибки здесь быть не могло. Ольховская 53, поселок Янтарный...

Лиза уже приходила сюда и видела своими глазами этот же самый дом на окраине улицы. Сейчас она снова стояла напротив него и разглядывала ветхие доски, которые когда-то представляли собой забор, мрачный, ничем не освещенный сад и вывеску, на которой краска уже настолько облупилась, что частично облетела. Любопытное совпадение, – подумала она, осматривая старый дом.

Лиза непроизвольно вспомнила встречу с человеком, который, видимо, теперь являлся его хозяином. Ее передернуло при воспоминании о том, с каким презрением он с ней говорил. Она никогда не решилась бы идти в незнакомый дом к незнакомому человеку, тем более к такому неприятному типу. Вчера на побережье ее откровенно взбесил этот самодовольный сноб, который явно привык платить за все и получать все, что ни пожелает. Но, размышляя над тем, почему она все-таки решилась рассмотреть его предложение, Лиза поняла, что, несмотря на то, каким неприятным показался ей этот человек, он не вызывал у нее чувство страха. К удивлению, его поведение как будто было ей понятно и не вызывало ничего, кроме снисходительной усмешки и злости, временами.

Она не знала, правильно ли поступает, но сейчас она находилась в таком отчаянии, что не могла сосредоточиться на этой мысли. После того как ее избили на улице, она ощущала опасность, исходившую буквально отовсюду. Сегодня она весь день думала о мужчине, который подошел к ней на побережье. Она просто не могла выкинуть этого человека из головы. Точнее не могла выкинуть из головы его неожиданное предложение. Предложение, сделанное неожиданно вовремя. И перебирая в голове все возможные варианты, этот неизменно оказывался единственным. Более разумного выхода она не могла найти, как ни пыталась. Проведя все утро в раздумьях, Лиза решила, что развеять ее беспокойство и сомнения можно только одним способом.

Девушка прошла еще немного, вглядываясь в темноту, и остановилась напротив ветхой калитки в каменном арочном проеме, которому уже должно быть не меньше века. Калитка со скрипом открылась, стоило ее лишь немного подтолкнуть. И Лиза шагнула в нее с мыслью о том, что даже если она и согласится на эту работу, это будет ненадолго. Только до тех пор, пока она не сможет найти что-то поприличнее. Эта мысль, безусловно, ободряла.

Она зашла во двор и огляделась по сторонам. Лиза обратила внимание, что сад перед домом был восхитительным, несмотря на его запущенность. Деревья на фоне осеннего серого неба выглядели огромными черными великанами, а кусты, которые давно никто не прореживал, были словно укрыты одеялом из опавших листьев и выглядели в темноте, как будто были нарисованы кистью художника. Дорожка к дому давно заросла травой и теперь представ-

ляла собой лишь узкую тропинку. Дождь сделал свое дело, и размякшая земля превратилась в грязь, хлюпающую под ногами. Лиза старалась наступать аккуратнее, чтобы на ее кроссовки не налипло слишком много земли.

Дом в темноте выглядел еще более заброшенным. Безмолвным черным силуэтом он вырисовывался на фоне неба и слегка пугал своей угрюмостью. Все окна на втором этаже были темными, и Лиза вдруг поняла главную причину своей тревоги. Что она будет делать, если никого не окажется дома? За разросшимся кустарником и деревьями не было видно, горит ли свет хотя бы в одном из окон первого этажа. Но, подойдя ближе, Лиза, наконец, увидела тусклый отблеск в одной из комнат. Скорее всего, это была гостиная. Этот свет отнюдь не показался Лизе гостеприимным, но, тем не менее, обрадовал и немного развеял ее опасения. В доме явно кто-то был. Девушка поднялась на веранду и несмело постучала в дверь.

Дождь пошел сильнее, но едва ли она это заметила, потому что в ответ на ее стук дверь тут же открылась, и на пороге возник мужчина, с которым она разговаривала накануне. Его высокая фигура закрыла собой почти весь дверной проем.

Он сделал шаг за порог и сложил руки на груди. Лиза смотрела на него и молчала. Ее внезапно охватило беспокойство. Она замешкала, не зная, что сказать. Он, в свою очередь, тоже не торопился заговаривать с ней.

На лице было еще не слишком темно, и если в прошлый раз Лиза не особо обратила внимание на его внешность, то сейчас рассмотрела его более пристально. Высокий, намного выше, чем показался ей впервые, и худощавый. На вид ему можно дать около тридцати пяти – сорока лет. Небрежно лежащие русые волосы средней длины подчеркивали резкие черты его лица, а пристальный холодный взгляд и тонкий изгиб губ, которые, как показалось девушке при виде ее он скривил в противной ухмылке, лишь усиливали отталкивающее впечатление, которое производило его лицо. Лиза поняла, что его облик не просто кажется ей непривлекательным или неприятным, а вызывает у нее какое-то непонятное чувство тревоги. Особенно его взгляд, презрительный и отчужденный. За этой отчужденностью могло скрываться что угодно.

– Так и будете здесь стоять? – произнес он, наконец, вместо приветствия.

– Вы не предлагаете войти, – ответила Лиза, пытаясь придать тону непринужденность.

– А должен?

Лиза поняла, что, похоже, нормального разговора у них не выйдет, и решила сразу перейти к делу.

– Я тут подумала над вашим предложением, – сказала она поспешно.

Плевать, как глупо это выглядит. Она сглотнула, готовясь продолжить, но он не дал ей этого сделать.

– Неужели?

В его голосе ясно слышалось притворное удивление, но Лиза сделала вид, что издевка совершенно ее не задела. Однако она не нашлась, что ответить, а он, видимо, расценил ее молчание как смущение, потому что довольно фыркнул и отступил в сторону.

– Прошу, – сказал он, пропуская гостью в дом.

Лиза слабо улыбнулась, чтобы хоть немного выглядеть приветливой, и проскользнула внутрь. Мужчина тут же захлопнул за ней дверь и встал к ней спиной, полностью заслоня собой. Он снова скрестил руки на груди и молча уставился на Лизу.

Лиза отступила немного назад и оказалась в коридоре, который выполнял функцию прихожей и в то же время являлся началом гостиной, которая была скрыта полумраком. Она быстро оглянулась по сторонам, но в планировке дома было сложно что-то понять. В помещении царил полумрак, и повсюду была расставлена мебель.

– Так что вам нужно? – Валевский вопросительно посмотрел на девушку. – Деньги и крыша над головой?

Это было сказано с такой злой насмешкой, что Лиза невольно растерялась. Она вдруг поняла, как унижительно выглядит ее визит.

– У меня есть где жить.

Она не знала, что ему ответить, и зачем-то соврала как можно более уверенно.

– И работа, – добавила она, но тут же поняла, что сморозила глупость, потому что он лишь глухо рассмеялся в ответ, не дав ей закончить.

– О да, я помню.

Его явно развеселила ее уверенность. Мужчина отошел от двери и сел на подлокотник кресла, стоящего в углу. Теперь он хотя бы не смотрел на нее с высоты своего роста. Он наблюдал за ней и словно выжидал момент, чтобы продолжить.

– Так что же вы пришли сюда из любопытства? – он снова неприятно ухмыльнулся, довольный впечатлением, которое его слова произвели на девушку. – Похоже, это не так. А посему смею предположить, что работы вы лишились. Дайте-ка взглянуть на ваше лицо.

Владислав склонил голову, вглядываясь в ее лицо, и Лиза непроизвольно отшатнулась. Мужчина, тем не менее, продолжил:

– Эта работа, полагаю, была для вас единственной возможностью свести концы с концами...

Он замолчал, разглядывая ее, и развел руки в стороны, словно давая понять этим жестом, что продолжать ему нет смысла. От возмущения и растерянности Лиза не могла выдавить ни слова. Еще никто не разговаривал с ней таким безапелляционным тоном, даже не давая возможности защититься. Его голос звучал резко и властно, словно он даже не допускал, что ему можно возразить.

– Что ж, мое предложение действительно могло бы быть для вас выходом, – будто размышляя вслух, наконец произнес Владислав.

Должно быть, он ожидал от нее защитной реакции, может быть, негодования или, напротив, смиренного согласия. Но Лиза мешкала, и, судя по всему, это его очень раздражало. Этот разговор выглядел как сопротивление, в котором ни один не хотел уступать. Лиза, однако, решив, что продолжать его бессмысленно и глупо, наконец, спокойно спросила:

– Так что вы хотели мне предложить?

И тот же миг она готова была поклясться, что видела триумф в его глазах. Еще бы! Она согласилась с его правотой, и он услышал в ее голосе просьбу. Девушка непроизвольно фыркнула, поняв, что он не так уж непредсказуем, как кажется. Точнее, хочет казаться таковым, а на деле является просто позером, привыкшим самоутверждаться за счет других. Его, пожалуй, стоило бы пожалеть, – подумала про себя Лиза. И эта мысль придала ей уверенности. Этот человек ей не нравился, но его грубость и резкость уже не представляли в ее глазах никакой угрозы.

– Это ваш дом? – спросила она почти любезно.

Лизе не терпелось удовлетворить свое любопытство. Она не успела толком осмотреться, когда вошла, и сейчас быстро окинула взглядом пространство, отмечая про себя детали.

– Это имеет значение? – ответил мужчина.

– Я просто задала интересующий меня вопрос.

– Этот дом мне необходимо продать, и как можно скорее. А с тем агентством, которое занималось этим, несомненно, сложным для них делом, я потерял лишь время и терпение, а вместе с тем и надежду поскорее избавиться от этой дыры, – презрительно ответил он, отворачиваясь. – Это дом моего дяди, который давно умер. Что-то еще вас интересует? – с неприкрытым раздражением спросил он, уже снова глядя на Лизу.

Не так уж и давно, – промелькнула у нее мысль, но озвучивать ее Лиза не стала. Ни к чему привлекать к себе внимание лишней осведомленностью. Что ж, тогда все проясняется, – подумала она.

– Дом не покупают, – констатируя, сказала девушка вслух.

– Хлам, который в доме не покупают, – ответил мужчина. – От него нужно избавиться.

Лиза услышала, как в его голосе снова промелькнуло раздражение. Или оно и не исчезало вовсе. Похоже, этого человека нервирует буквально все, – подумала она.

– Дом плохо выглядит снаружи, – задумчиво произнесла девушка.

– Если вы заметили, то изнутри он выглядит еще хуже, – скривился в ответ Владислав.

Лиза окинула взглядом заставленную мебелью и заваленную какими-то вещами гостиную, с потолка которой вода почти ручьем стекала на полуразвалившийся комод. Если весь дом такой, неудивительно, что никто не хочет его купить, – отметила она про себя.

– Вы имеете в виду все эти вещи? Но, возможно, они ценные, их можно продать?

В ответ мужчина лишь вскинул брови.

– Мне нужно лишь одно – продать дом, а для этого он должен быть чист от этих, как вы выразились, «ценностей». Делайте с ними, что хотите. А лучше выбросьте все это.

– Так вы готовы за это мне платить? – Лиза вопросительно посмотрела на него.

– И полагаю, вы согласны?

Она лишь неопределенно пожала плечами, потому что не поняла, вопрос это был или утверждение.

– А вы здесь не живете? – спросила она, чтобы прервать неловкую паузу.

– Я живу в Санкт-Петербурге, – с некоторым отчуждением ответил мужчина. – И в данный момент планирую вернуться туда, так как имею неотложные дела. Мое имя Владислав Валевский, я адвокат. Мне некогда заниматься всем этим, – мужчина небрежным жестом указал на обстановку в доме.

– Понятно.

– Если мы договорились, то дом в вашем, не побоюсь этого слова, полном распоряжении.

Мужчина взглянул на свои наручные часы.

– Я с этим домом и вами потерял кучу времени, – холодно произнес он. – Жить можете здесь же, – продолжил он, вставая. – На втором этаже три комнаты, можете выбирать любую. Я вернусь через пару недель, и к этому времени дом должен быть в приличном состоянии. Я хочу как можно скорее избавиться от него. О средствах не беспокойтесь. Главное, чтобы из дома вывезли все это старье, починили крышу, которая безнадежно протекает, и привели сад в божеский вид. Найдите рабочих и проконтролируйте это. Надеюсь, это понятно?

Лиза снова пожала плечами и коротко кивнула.

– Вполне.

– Вот и славно. А то пришлось бы вам возвращаться домой, промокая под ливнем.

С этими словами он вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт и всучил его Лизе. Затем накинул черную куртку и вышел на веранду, не закрывая за собой дверь и продолжая говорить на ходу о том, что в конверте ключи от дома и деньги на ремонт. Лиза поплелась следом, обдумывая на ходу, стоит ли попросить его подбросить ее до города, потому что в ее планы не входило оставаться одной в доме на ночь.

– Он, похоже, на всю ночь, – произнес мужчина, запрокидывая голову и вглядываясь в небо.

– Что?

Лиза не сразу поняла, о чем речь и переспросила. Но ответа не последовало.

– Если у вас возникнут проблемы, можете звонить мне на мобильный, – холодно бросил мужчина, идя к машине.

Открыв дверцу, он обернулся и нахмурился.

– Как вас по имени? – обратился он к девушке.

Она ответила не сразу, словно раздумывая.

– Лиза, – едва слышно произнесла девушка.

– Хорошо. Так вот, Лиза, – делая акцент на ее имени, начал он, – будьте так добры запомнить, что времени на обсуждение всякой ерунды у меня нет, поэтому рекомендую решать все вопросы самостоятельно, – и, произнеся это, он, не прощаясь, сел в машину.

Лиза услышала, как захлопнулась дверца. После чего, негромко взревев, автомобиль стремительно сорвался с места, оставляя в воздухе неприятный запах бензина, который тут же растворился в нем.

– Так я и не знаю вашего телефона, – задумчиво произнесла девушка ему вслед, но ее слова потонули в шуме усиливающегося дождя, укрываясь от которого, она поспешила вернуться в дом.

Глава 3 Дом на окраине

Иногда мы ищем то, чего искать вовсе не нужно. Иногда то, что нам не нужно, находит нас само. Но чаще всего не нужно искать вообще ничего.

Все уже найдено.

Лиза провела весь вечер в ожидании, когда этот проклятый дождь закончится. Но он шел, словно нарочно, мешая ей поскорее покинуть дом. К разочарованию девушки, дождь усилился к ночи, и она поняла, что на автобус до города ей уже не попасть. Лиза хотела вызвать такси, чтобы убраться отсюда поскорее, но к своему несчастью, обнаружила, что стационарного телефона в доме нет, а мобильного у нее не было. Его разбили те люди, которые требовали от нее вернуть долг Вадима. А новый покупать она не стала. Во-первых, у нее не было денег, во-вторых, она решила, что так безопаснее для нее.

Некоторое время Лиза помялась в гостиной, затем в очередной раз вышла на веранду. Она всматривалась в обложное небо, до последнего надеясь, что ей повезет и дождь вдруг закончится. Но он шел слишком настойчиво, все шумел и шумел по крыше, то усиливаясь и переходя в ливень, то немного утихая, но не прекращаясь вовсе. Стоя на веранде и поеживаясь от холода, Лиза представляла, какого ей будет возвращаться обратно под таким ливнем, и понимала, что едва ли он кончится к рассвету. А это означало, что она вынуждена дожидаться утра в доме. Лиза была раздосадована таким поворотом событий. Она не планировала проводить ночь в чужом, почти заброшенном доме. Но ей ничего не оставалось, как смириться с неизбежностью своей участи и остаться.

Лиза не знала, чем заняться, и, чтобы хоть как-то отвлечься от досадных мыслей, не придумала ничего лучше, чем отправиться в путешествие по дому.

Она очень хорошо запомнила ощущения беспокойства и любопытства, которые испытала, когда, оставшись одна, снова вошла в дом и огляделась в нем. Она постояла немного в прихожей, где несколько минут назад разговаривала с Владиславом Валеvским, затем прошла прямо по коридору и оказалась в кухне.

Помещение кухни было довольно просторным и менее всего заставленным всяким хламом. Вдоль одной стены стоял стол, по обеим его сторонам – два старых кресла с деревянными подлокотниками, к одному из которых был придвинут продавленный стул. Второй обнаружился в углу, и на нем были свалены кипой газеты, пустые пластиковые бутылки и целлофановые пакеты. Напротив стола в углу стоял на табуретке старый телевизор, похожий на те, что делали в 70—80 годы, за ним современный холодильник и еще что-то белое и квадратное, высотой доходящее Лизе до половины туловища. Приглядевшись, она поняла, что это допотопная стиральная машинка. Также у стены напротив находилась мойка и стоял еще один стол или тумба, которая использовалась в качестве рабочего стола.

Лиза покрутила краны. Вода шла только холодная. Неудивительно, – подумала она про себя, ведь котел отопления, который, по-видимому, подавал горячую воду, был выключен. Она оглядела его со всех сторон. Большой и грязный, он своим мрачным видом выделялся на фоне стены рядом с газовой плитой. Плита на удивление работала, и Лиза поставила в старом железном чайнике воду на чай. Она пошарила в огромном серванте, доверху наполненном всякой кухонной утварью и не только, и нашла несколько пакетиков чая.

Пока грелся чайник, девушка осмотрела остальное помещение. Кухня была разделена на две половины высокой аркой, что делало ее похожей на грот. В другой ее части располагался встроенный в стену шкаф и стояла гладильная доска. Большое окно с непрозрачными стеклами занимало половину стены, а рядом с ним находилась дверь и возле нее на стене выключатель. Лиза щелкнула им, и в кухне зажегся неяркий свет, делая ее немного уютнее.

В стене напротив шкафа находилась еще одна дверь, которая вела в неплохо оборудованный санузел, половину которого занимала чугунная ванна. Было особенно заметно, что сюда давно никто не заходил. Из-за того, что заржавели петли, дверь открылась не полностью. Повсюду росла паутина и стоял запах сырости и затхлости. Заглянув внутрь, Лиза сразу закрыла ее.

Другая дверь вела на задний двор. Выйдя туда, девушка невольно поморщилась, потому что хлама, собранного там, было, похоже, еще больше, чем в доме. Она зажгла фонарь, висевший над дверью на стене, и его свет осветил пространство.

Задний двор представлял собой неширокий проход между глухим забором и стеной дома. Прямо напротив выхода из кухни стояла ветхая постройка. Что это было – летняя кухня или хозяйственный сарай, Лиза не поняла, потому что дверь туда была забита, а через мутное окно ничего, кроме темноты, она не увидела. Все остальное пространство занимали всевозможные вещи: одноногие стулья, сложенные друг на друга, какие-то баки и ведра, металлический остов кровати, два холодильника, велосипед, мотор или генератор, разбитый телевизор и еще много всего по мелочи, начиная от битой посуды и заканчивая разорванной обувью. Одни только доски и тонкие рейки занимали уйму места, стоя собранными в охапки на протяжении всего забора.

Дождь немного стих, и Лиза решилась выйти из дома. Пройдя вдоль забора, она оказалась у глухой калитки, которая была закрыта. Попробовав ручку, девушка оглянулась по сторонам, ища глазами то, на что можно было бы встать и посмотреть, что там снаружи. Наконец, найдя подходящий ящик, придвинутый к забору, она встала на него и высунулась наружу. В полумраке она увидела деревья и дикие кустарники, а также едва заметную в высокой траве тропинку, ведущую от калитки куда-то вверх. Лиза оперлась локтями на забор и положила подбородок на сложенные руки. Она глубоко вздохнула и уставилась в пространство впереди себя.

Забывтый всеми, этот дом на окраине жил своей тихой и размеренной жизнью и словно даже не нуждался в присутствии в нем человека. Здесь было ощущение полной изоляции от внешнего мира, и это ощущение Лизе нравилось, потому что дарило спокойствие, которого она не чувствовала уже очень и очень давно. Постояв так еще некоторое время, вдыхая влажный воздух, она вернулась в кухню. Чайник давно закипел, и идущий из носика пар нагрел воздух в помещении. Девушка выключила конфорку под ним и плеснула кипятка в чашку, которую оставила на столе, а сама отправилась исследовать другие комнаты.

Она заглянула на лестницу, ведущую на второй этаж, но не торопилась подниматься. Лиза вернулась по коридору в прихожую, из которой можно было попасть в комнаты первого этажа.

В первую комнату, которая служила гостиной, двери не было, но был широкий проем в стене, который являлся входом. Он был настолько широким, что из середины комнаты легко можно было увидеть лестницу, ведущую наверх, которая примыкала к стене кухни.

Дверь, за которой скрывалась вторая комната, располагалась почти напротив входа в гостиную. За ней оказалась большая комната, осмотреть которую Лизе не удалось из-за отсутствия в комнате света. Она пошарила рукой по стене в поисках выключателя, но когда, наконец, нашла его, пощелкав туда-сюда, поняла, что это бесполезно. Свет в комнате так и не загорелся. Тогда Лиза закрыла дверь и вернулась в гостиную.

Гостиная занимала добрую половину всего первого этажа. На взгляд девушки, она была просто огромной. И это несмотря на сильную захламленность вещами и мебелью, через которые добраться до ее северной стены было практически невозможно. Но Лиза была довольно худощава и без труда протиснулась сквозь завалы к дальним окнам.

Обернувшись, она подумала, что из этого темного угла комната производит впечатление непроходимой чащи. Немного пугающее ощущение усиливал тусклый свет электрической лампы, который отбрасывал тени на зеркала и сваленные кое-где стеклянные бутылки и посуду

и отражался на поверхности некоторых вещей. Лиза отвернулась к окну и протерла его ладонью. Она напрасно вглядывалась в темноту, пытаясь разглядеть в ней что-то. Но ничего, кроме пожелтой травы и земли, размокшей из-за дождя, она не увидела.

Медленно обходя гостиную, Лиза осматривала все и дотрагивалась руками до всего, что вызывало у нее любопытство. С первых мгновений пребывания в доме ее поразила живой интерес, который у нее появился впервые за очень долгое время.словно ребенок в магазине игрушек, поглощенный восторгом от происходящего и потерявший ощущение времени, она осматривала вещи и предметы, трогала их руками, полностью отдаваясь новым впечатлениям. Мир сузился для нее до этого дома, до этой комнаты, кроме которой сейчас там, снаружи, ничего не существовало.

Время словно застыло, и все заснуло, – думала про себя Лиза, рассматривая вещи из разных эпох, покрытые густым слоем пыли. Чего здесь только не было: мебель, совсем старая и отреставрированная. Гравюры и статуэтки, вазы для цветов, детские игрушки, елочные украшения, книги, посуда. И это далеко не все. Должно быть, хозяин собирал антиквариат со всего мира. Лиза даже не могла представить, что в небольшом двухэтажном доме можно хранить столько всего интересного...

Было здесь и то, что, по ее мнению, действительно стоило бы давно выбросить: кипы бумаг, какие-то карты, чертежи, подшивки газет, коробки, в которых лежали старые журналы, поломанные музыкальные пластинки и еще куча всякого хлама. Лиза заглянула только в пару коробок, до которых смогла дотянуться.

Однако большинство вещей представляли собой действительную ценность. Лиза была поражена ощущением духа времени и старины, которыми был отмечен здесь каждый предмет, даже самый маленький и незначительный. Ей было жаль, что ко всем этим вещам столько времени никто не прикасался, и что они портятся в этом доме, вместо того, чтобы находиться в более достойном месте, где каждая из них могла бы выполнять свою главную функцию – передать воспоминания о прошлом. Даже несмотря на слои пыли и оберточную бумагу, Лизе удалось разглядеть их истинную красоту.

Осмотрев гостиную, она поднялась наверх и обнаружила темный коридор. Лиза не без труда нашла выключатель и зажгла свет. В коридоре оказалось четыре двери, расположенные в шахматном порядке. Первая комната, дверь которой была приоткрыта, оказалась гостевой. Кроме обычной для спальни мебели – шкафа, стола, стульев, здесь не было больше ничего, и обстановка смотрелась скучной, холодной и неудобной. Даже занавески на окнах были слишком серыми и сливались с оттенком стен.

Лиза зашла в эту комнату, огляделась и поняла, что ее занял нынешний хозяин. Она поняла это по некоторым вещам, по-видимому, забытыми им. На заправленной кровати лежал бежевый свитер, на столе – изящная шариковая ручка, кабель для ноутбука, несколько листов формата А4, исписанных неровным мелким почерком, и зажигалка, в которой Лиза узнала свою. Эти вещи слишком выделялись на фоне простого деревенского интерьера комнаты. Она поспешила выйти из нее, потому что чувствовала себя особенно неудобно – то ли от того, что завывающий ветер здесь было слышно особенно сильно, то ли от ощущения недавнего присутствия господина Валевского.

По сравнению с этой небольшой квадратной комнатой, две другие, которые осмотрела Лиза, были намного шире по размеру и вмещали в себе значительно больше мебели и всего прочего, что хозяин бережно хранил в своем доме. Одна из комнат явно служила владельцу спальней при жизни. Разглядывая ее, Лиза подумала, что ей наверняка бы понравился человек, живущий здесь. Она с любопытством рассмотрела книги, которые заметно отличались от тех, что она видела в гостиной. Эти не были упакованы в бумагу или распиханы по коробкам. Они стояли ровными рядами на полках и стеллажах. Похоже, что это были книги, к которым владелец часто обращался. На их корешках осела пыль, и Лиза провела ладонью по нескольким,

стирая ее и читая названия. В основном это были научные издания, посвященные мировой истории и искусству.

Она перебрала несколько журналов, лежащих кипой на прикроватной тумбочке. Среди них оказались издания по истории, географии, геологии, а также целые серии, посвященные нумизматике, искусству и антиквариату. Особое внимание Лизы привлекли каталоги с аукционов прошлых лет, лежащие отдельно.

Ей понравилось то, как все здесь было устроено. По углам комнаты на столах и тумбах стояло несколько настольных ламп с разными абажурами, и, возможно, не все из них зажигались вечером для освещения, но смотрелись они вместе очень уютно. Пол покрывали запыленные коврики, а старые или скорее старинные обои на стенах с причудливым витиеватым узором делали эту комнату особенно теплой и живой. На стенах были развешаны картины, которые Лиза долго разглядывала, пытаясь понять, о чем хотел рассказать художник на каждой из них и почему владелец дома выбрал именно их для своей спальни. Неброские пейзажи, глядя на которые отчего-то щемило в груди и появлялось ощущение, что она уже видела их когда-то вживую, а сейчас просто вспомнила.

Дверь в третью комнату была самая старая. Белая краска с нее почти полностью облупилась и дверь выглядела очень пошарпанной. Эта комната тоже понравилась Лизе. Она выглядела довольно просто: светло-серые стены, молочно-белые лёгкие занавески на окнах, коричневый голый пол. Комната была словно залита прозрачным легким светом, который проникал в нее из окон и отражаясь от стен наполнял ее пространство. В этой комнате было все необходимое: широкая кровать, шкаф, стол, тумба с выдвижным ящиком и несколько стульев. В стене напротив кровати находилась еще одна дверь. Открыв ее, Лиза обнаружила ванную комнату.

В отличие от предыдущих, расположенных на правой стороне и выходящих окнами в сад перед домом, эта была единственной спальней на противоположной стороне. Из окон ее открывался вид на пустошь, вдоль которой тянулась проселочная дорога и многочисленные кустарники. Лиза обнаружила крошечный балкон, дверь которого она открыла и вышла наружу. Прямо под балконом росло дерево, крона которого раскинулась настолько пышно, что некоторые ветви легли на перила, практически доставая до окна.

Подставив руку под дождь, Лиза почувствовала, как прохладная и скользкая вода коснулась ее ладони. Она поднесла руку к лицу и вдохнула приятный запах осени. И в этот момент вдруг подумала о том, как здорово было бы иметь такую комнату и выходить на этот балкон каждую ночь, когда не спится, вдыхать запахи каждого времени года, различая все их оттенки. Лиза постояла еще немного в темноте, слушая шум дождя, и спустя некоторое время вернулась в комнату.

Она обошла весь дом, осмотрела все жилые комнаты наверху. Из них только три оказались спальнями. Четвертая была обустроена под кладовку, из нее же лестница вела на чердак, но туда Лиза не полезла.

На ночь она устроилась в гостиной на стареньком диване, стоящем почти посередине комнаты, напротив камина. В комодешке нашелся плед, но он сильно отсырел, и Лиза оставила его проветриваться на стуле, а сама укрылась своей курткой.

Она долго пыталась заснуть, но у нее ничего не выходило. Сон не шел, и, глядя на небо, Лиза невольно возвращалась в мыслях и воспоминаниях к своему прошлому. Она думала о том, что сейчас в ее жизни настал период, который Вадим любил называть «временем без берега и дна». Будучи девчонкой, она не понимала смысла и всей глубины этой фразы, но сейчас, когда осталась одна и стояла на пороге новой двери, внезапно открывшейся перед ней, почувствовала на себе, какого это может быть. Вадим, правда, говорил так, когда ему неоткуда было взять денег, но сейчас это уже не имело значения. Главное было в смысле, а он заключался в безвыходности. И Лиза чувствовала сейчас эту безысходность всем своим существом.

У нее никогда не было семьи. Она рано лишилась матери, отца не знала вовсе и была вынуждена жить в приемных семьях. Замкнутая и неприветливая, она не приживалась ни в одной из них, постоянно сбегала или от нее отказывались по причине невозможности установить с ней хоть какой-то контакт. Она привыкла не иметь постоянства, не иметь дома и семьи, а жить, как получится, одним днем. Но однажды произошло кое-что, изменившее жизнь Лизы навсегда. Именно в то время она встретила Вадима.

Когда-то давно он был одним из многочисленных приятелей ее матери. Она тогда была совсем ребенком, но из всех мужчин матери его запомнила особенно. Вадим всегда был добр к ней, иногда играл с ней, часто приносил сладости или просто говорил что-то хорошее. И вот, спустя годы, он случайно встретился ей и пришел на помощь. Она нуждалась в этом как никогда.

Вадим вытащил ее с улицы, где она бродяжничала, после того, как сбежала из последней приемной семьи, в которой прожила всего три месяца и в которой ей пришлось очень несладко. Он взял ее к себе, достал документы через своих знакомых и позволил остаться, заменив ей отца и мать на несколько следующих лет.

Она не сразу поняла, чем он занимается, а когда узнала, что это наркотики, ей было уже все равно. Пусть он так бесшабашно относился к своей жизни, но для Лизы он стал семьей. Он любил ее, как свою собственную дочь, и по-своему в ней нуждался. И ей было с ним хорошо. Впервые в жизни она была не один на один с этим жестоким миром.

Каждый раз, когда они переселялись в очередной клоповник, Вадим безрассудно верил, что они начинают новую жизнь. Им повезет, и он найдет работу, завяжет с наркотиками, построит Лизу в новую школу, и, в конце концов, они накопят денег, чтобы перебраться в более приличное место. За то время, что прожили вместе, они долго мыкались по многочисленным съемным комнатухам в самых бедных районах города, и Лиза уже давно потеряла им счет. Мечты всегда оставались лишь мечтами. Работа если и была, то временная. Обычно Вадим, просяживая первые же деньги, пропадал на несколько дней, вынуждая Лизу заботиться о себе самой. Но, несмотря ни на что, она любила его и верила ему. Просто потому, что больше ей некому было верить. Некому и не во что.

Лиза выросла, окончила школу и как только ей исполнилось восемнадцать, устроилась на работу. Шло время, и наступил период, когда Лиза думала, что все налаживается. Несмотря на то, что они переехали в дешевую коммуналку, Вадим нашел работу, о которой, однако, отказывался говорить. Лиза и не спрашивала, потому что рано научилась чувствовать грань, за которую иногда не стоило даже заглядывать. Позже, думая о том времени, она понимала, что просто боялась узнать правду. За годы своих скитаний она привыкла к нужде и лишениям, а тогда в их с Вадимом жизни появилось так называемое благополучие. В глубине души она подозревала, каким иллюзорным оно было. Но Лиза жила одним днем, стараясь не думать о том, что придет время и их легкая жизнь закончится. Однако она не могла и представить, что все оборвется так внезапно.

По ночам она работала официанткой в баре и однажды под утро, вернувшись с работы, увидела Вадима с его старыми приятелями. Лиза поняла, что это неслучайно, и ее подозрения вскоре оправдались. Он снова взялся за старое.

Спустя какое-то время, точно так же придя домой, она обнаружила его с остекленевшими глазами. Лиза вызвала скорую. Его отвезли в больницу. Но спустя несколько часов Вадим умер от передозировки. Спасти его не удалось.

С тех пор прошло уже полгода. Но она все равно иногда ловила себя на том, что ищет его глазами в толпе.

Первое время Лиза продолжала жить в их квартире. До тех пор, пока было чем за нее платить. Продолжала ходить на опостылевшую работу пока хватало терпения. Лиза старалась не позволять себе думать о том, что происходит, не думать о будущем. Она старалась, как

когда-то с Вадимом, жить одним днем. И ей это почти удавалось. Почти, потому что всегда когда возвращалась домой перед рассветом, в час, когда бывает особенно темно и тихо, она кожей ощущала свое одиночество.

Повернуть ключ, войти в комнату, бросить сумку и услышать тишину. Возвращение домой в такие моменты стало своеобразным ритуалом. Внутри все противно сжималось, и чувство безысходности накатывало особенно сильно. И тогда Лиза впадала в странную апатию, с которой не могла справиться. Она усмехалась и качала головой, словно досадной нелепости, которая с ней произошла. Редко в тишине и темноте, глядя в окно и слушая, как шуршат от летнего ветра листья на огромных деревьях, она плакала почти бесшумно, не всхлипывая и не меняясь в лице. Слезы просто сами собой стекали по щекам, но Лизу в это время разрывало изнутри от этой самой безысходности и, как ей казалось в такие моменты, бесполезности собственной жизни.

Внутри нее поселилась пустота, которую сначала она пыталась прогнать, искала всевозможные способы, что-то делала, потому что знала – Вадим хотел бы этого. Но пустота заполняла ее все больше и больше, и Лиза поняла, что с этой пустотой ничего не поделаешь.

Она сдалась, и все пошло под откос. Постепенно не осталось ничего ценного и ничего стоящего, никакого смысла в ее жизни. Она не осознавала, насколько сильно была привязана к Вадиму. И после его смерти Лиза почувствовала свое одиночество особенно остро. Внутри нее словно что-то оборвалось, и ей стало плевать на свою жизнь.

Тем не менее жизнь шла своим чередом, и все это могло бы продолжаться очень долго, если бы не то, что случилось. Почему-то именно сейчас Лиза подумала о том, что если бы ее не избили люди, которым Вадим задолжал очень крупную сумму денег, и она не повстречала бы Владислава Валевского, то не оказалась бы в этом странном доме.

Так бывает. Решает за тебя кто-то, ведет тебя, направляет и подталкивает всеми возможными способами. И можно противиться, но все равно придешь к тому конечному, что должно быть твоим. И никуда от этого не деться.

Сейчас Лиза ощущала перемены, которым она не могла, не в силах была сопротивляться. Она понимала, что эта работа на данный момент была действительно неплохим и, возможно, единственным для нее вариантом, тем более, что хозяин дома присутствовать здесь не будет. Она сможет заработать денег, не беспокоясь о том, где жить, и решить, что делать дальше.

Но что-то Лизу настораживало и беспокоило. Она не знала, что именно, но при воспоминании о Владиславе Валевском эти чувства только усиливались. За его непроницательностью скрывалось нечто такое, чего Лиза пока понять не могла. Несмотря на то, что на этот раз он вел себя более любезно по сравнению с их первой встречей, Лиза подумала о том, что эта любезность была насквозь фальшивой.

Лиза устала. Веки ее слипались, а тяготившие мысли постепенно растворялись. Лишь одна мысль о том, что ей бы хотелось никогда больше не встречаться с этим человеком, постоянно крутилась в голове. Но незаметно исчезла и она. И Лиза заснула.

Когда наступило утро, в комнате все еще стоял полумрак. Тучи рассеивались постепенно, и свет почти не проникал сквозь обложные облака. В дом он и вовсе не просачивался через давно немые окна, завешенные выдавшими виды занавесками. Лиза задремала только перед рассветом. Открыв глаза, она мгновенно вспомнила, где находится, и сон тут же исчез. Девушка настороженно прислушалась к шуму снаружи и встала, чтобы подойти к окну и убедиться в том, что ее ожидания напрасны. Она лишь глубоко вздохнула, увидев серо-белое небо и дождь, который лился непрекращающимся потоком. Ее снова ждало разочарование.

Не включая электричество, она вышла на кухню, где, пошарив в шкафчиках, нашла кофе, который, должно быть, оставил вчера хозяин. Спустя некоторое время она вернулась в гостиную с чашкой ароматного крепкого кофе и уселась на коробки, плотно придвинутые к узкому подоконнику.

Лиза принялась рассматривать заброшенный сад перед домом. Красивый сад, в котором росло много деревьев и кустарников, и который при хорошем уходе мог бы выглядеть сказочно, – подумала она. Отхлебнув кофе, она поморщилась и поставила чашку рядом с собой. Лиза никогда особенно не любила кофе, а этот оказался ей особенно горьким.

Она размышляла о том, что сказал ей новый владелец по поводу дома, а точнее всего имущества, в нем находящегося. Она вспомнила, что перед тем, как уехать, он отдал ей конверт. Поискав его глазами, она встала, чтобы включить свет.

Конверт лежал на столике в коридоре. Лиза открыла его и увидела внутри ключи от дома, деньги и визитку черного цвета, на которой было написано имя и номер телефона. Пересчитав купюры, Лиза подумала, что хозяин, по-видимому, рехнулся, потому что сумма оказалась настолько внушительной, что на эти деньги здесь можно было бы сделать небольшой ремонт. Что ж, чего-чего, а щедрости ему не занимать, – подумала Лиза и вернулась в гостиную.

Она уселась на диван, поджав под себя ноги, и нахмурилась, раздумывая над тем, что тревожило ее больше. То, что хозяин дома, не спросив ее согласия, всучил ей приличную сумму денег и дал указания привести дом в порядок за пару недель, тем самым рассчитывая на ее безоговорочное подчинение. Или то, что сам он исчез, не оставив ей выбора. Неужели он не предполагал, что она может просто исчезнуть, прихватив с собой деньги? Значит, он так уверен в ее порядочности? Но откуда ему знать...

Вчера у нее сложилось впечатление, что, несмотря на то, что он собирался уезжать, он словно дождался кого-то. А еще ей показалось, что он не был удивлен ее приходу. И вопреки тому, как нарочито небрежно с ней разговаривал, как предлагал работу, словно делая одолжение, Лиза убедилась в своих догадках, когда он отдал ей заранее приготовленный конверт.

Конечно, все это могло быть ее домыслом, но если это действительно так, то значит ли это, что он был изначально уверен в том, что она придет? Она вдруг поняла, что этот человек уже знает о ней намного больше, чем ей бы того хотелось, и что в какой-то мере она позволила собой манипулировать. Но теперь уже было поздно. И несмотря на то, что она еще не решила согласиться или отказаться от предложенной Валевским работы, Лизу осенила мысль, которая ей вовсе не понравилась.

Возможно, ее жизнь уже изменилась, раз она здесь, в этом доме? Только вот произошло это изменение слишком быстро и без ее согласия. Такой поворот ей не нравился, и внутренний голосок осадил ее за опрометчивость. Лиза подумала о том, что лучшим для нее решением будет уйти отсюда и придумать другой выход из положения. Эта мысль показалась ей правильной и немного успокоила ее. Но как быть с деньгами? Забрать их себе она не могла. Оставить в доме и просто уйти – тоже не лучший вариант...

Дурацкая ситуация, – подумала Лиза.

От нечего делать она снова обошла дом, осматривая все комнаты. При тусклом дневном свете дом казался еще более старым и ветхим, а вещи – словно застывшими на месте. Дольше всего Лиза задержалась в кабинете или библиотеке, как она сразу прозвала эту комнату про себя. Вчера она уже заходила сюда, но из-за отсутствия света не смогла ничего разглядеть. Теперь же девушка увидела, что это была небольшая, вдвое меньше гостиной, комнатка, в которой один из углов, тот, что выходил в сад, заменяли полукруглые окна. Когда Лиза распахнула тяжелые шторы, то поняла, что это самая светлая комната в доме. Сплошные окна почти до самого потолка занимали весь угол, сглаживая его, и позволяли проникать свету в самую глубину комнаты.

Здесь было огромное количество книг, которые лежали в стопках прямо на полу и на немногочисленной мебели. Из последней здесь стояли письменный стол, несколько стульев, два кресла и небольшой журнальный столик, между ними прямо у окна. Кресла были повернуты спинками к окну, и Лиза подумала, что было бы лучше развернуть их, и тогда можно сидеть и смотреть на сад. В голове у нее уже рождались картины, как мог бы выглядеть дом.

Многочисленные полки и стеллажи были заставлены коробками и завалены какими-то вещами, место которым, по ее мнению, уже давно было на помойке. Из одной стопки Лиза вытащила книгу, смахнула пыль и прочитала название. Это оказались сказки Оскара Уайльда. Лиза развернула одно из кресел к окну и, устроившись в нем с ногами, открыла книгу и начала читать.

Строчки, словно ниточки, тянулись друг за другом, увлекая Лизу все дальше и дальше в мир волшебных миров и сказочных персонажей. Она настолько увлеклась, что совсем позабыла, где находится и чего ждет. Дождь тем временем так и не прекращался, то утихал, то снова начинался. Лиза лишь изредка поднимала глаза от страниц и долго всматривалась в пелену за окном, словно размышляя над прочитанным. Но на самом деле мысли ее были очень далеко отсюда. И она совсем не замечала течения времени.

Наконец наступившая тишина отвлекла Лизу. Девушка поняла, что капли больше не шумят по крыше и значит, дождь прекратился. Лиза закрыла книгу и окинула взглядом комнату. Она подумала о том, что когда впервые ступила на порог этого старого дома, едва ли представляла, что ей предстоит тут задержаться почти на сутки. Но поймала себя на мысли, что ей здесь понравилось. Понравилась тишина, царившая в стенах дома, понравился запах книг, дерева и ни с чем несравнимый запах старины. Все здесь дышало этой стариной, а еще чужими воспоминаниями. Дом, словно живой организм, жил своей размеренной и тихой жизнью. Словно все эти вещи, принадлежащие разным людям, сотням людей, сохраняли частичку каждого из них. И этот дом вместил в себя сотни таких частичек людских душ, стал пристанищем для каждой из них.

Лиза встала и потянулась. Она чувствовала себя очень уставшей, мышцы затекли, и хотелось есть. Нужно было поторапливаться, пока дождь не начался снова. Но Лиза не спешила. Она оглядывала стопки книг и задавалась вопросом: как появилась здесь каждая из них? Сколько еще мудрых книг здесь есть? Сколько еще ответов она могла бы найти? Посмотрев на томик Уайльда, который все еще держала в руках, она подумала, что эта книга попала ей в руки не случайно. Что-то особенное Лиза в ней прочитала, и в ее душе наступил покой, а голове порядок. Страх вдруг испарился, и она поняла, что почти улыбается. Лиза вернула книгу на место и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

На улице было тепло, но все дышало сыростью. От земли поднимались испарения, которые превращались в густой туман, а воздух стал настолько влажным, что казался неподвижным и тяжелым. Лиза вышла на веранду и застыла на некоторое время, вглядываясь вдаль и глубоко вдыхая свежий, напоенный озоном воздух до тех пор, пока внезапная неяркая вспышка высоко в небе не выдернула ее из оцепенения, предупреждая, что этот штиль на небе будет недолгим и дождь может снова начаться в любую минуту. Она вернулась в дом и снова вышла через некоторое время, держа в руках свою сумку.

Лиза заперла дверь и, повертев ключ в руке, сунула его в ложбинку между стеной дома и спинкой скамейки, которая была приставлена к дому. Торопливо спустившись по ступенькам, она направилась к калитке, осторожно наступая, чтобы не поскользнуться на грязи, в которую превратилась тропинка, ведущая к дому.

Глава 4 Коридор

Так бывает, что, выйдя в коридор, мы не идем дальше к следующей комнате, а садимся под закрытой дверью, из которой только что вышли.

В коридоре все двери одинаковые, но последняя комната лишь за одной.

Город все сильнее накрывали тяжелые темно-синие тучи. Северный ветер дул с самого утра, но сейчас, когда время уже близилось к вечеру, его скорость увеличилась настолько, что под его порывами почти сгибались деревья, которые из окон двенадцатого этажа казались совсем тоненькими.

Владислав Валевский стоял у окна уже более получаса, задумчиво глядя в одну точку где-то в пространстве, не замечая ничего вокруг, в том числе и бушевавшую непогоду. Намного мрачнее, чем за окном, было у него на душе. Раз за разом он прокручивал в голове сегодняшнее судебное слушание, пытаясь понять, с какого момента перестал контролировать ситуацию.

Владислав никак не мог определить, что именно пошло не так. Сегодня его обычные уверенность и лихость, с которыми он выступал перед судом, не производили должного впечатления. У прокурора находились новые вопросы, о которые разбивались вдребезги все его аргументы, и Валевский был вынужден молча, скрепя зубами, принимать очередное поражение. Каждый раз это было как удар хлыста по лицу. Особенно если учитывать, что Владислав был просто уверен в том, что выиграет это дело.

Дело, в котором обвиняемым был не обыкновенный человек, а государственный чиновник, должно было принести Владиславу Валевскому особые почести и еще большую славу на профессиональном поприще, а вместо этого принесло ему поражение. И не просто поражение, а реальную угрозу его карьере и репутации.

Политик обвинялся в убийстве молодой девушки, неизвестной манекенщицы, с которой он был не единожды замечен в течение последних нескольких недель перед ее смертью. Как утверждал сам клиент, его элементарно подставил коллега, желающий таким образом занять пост обвиняемого. По большому счету, Валевскому было наплевать, убивал он девчонку или нет. От него требовалось доказать невиновность клиента и сделать это как можно аккуратнее, чтобы восстановить и так изрядно потрепанную репутацию политика. Вся сложность заключалась в том, что те факты, которые раскопал Владислав, задачу весьма осложняли, доказывая обратное. В данном деле фигурировал ненужный свидетель, а именно еще одна девушка, которая в тот вечер была в компании подзащитного Валевского и показания которой могли усугубить положение обвиняемого. Владислав узнал о ней от своего клиента и тут же начал действовать, не дожидаясь, пока ее вызовут для дачи свидетельских показаний.

Валевский решил уладить вопрос основательно. С владельцем модельного агентства, где работали обе девушки, он договорился без проблем. В обмен на его молчание о некоторой, не совсем законной деятельности данного модельного агентства Владиславу требовалось гарантированное молчание девушки, даже если она предстанет в суде. Что касается самой свидетельницы, то с ней Валевский не церемонился. Достаточно было короткого разговора, в котором он довольно доходчиво, как ему показалось, объяснил девице, что в случае, если она высунется и даст неправильные показания, ее ждет незавидная судьба.

Он угрожал свидетелю, что было прямым нарушением его профессиональной этики. Невинная угроза, как думал Валевский тогда, которая не могла сыграть значительную роль в этом деле, в итоге обернулась для него катастрофой.

С этой мыслью Владислав отвернулся от окна, потому что дверь резко открылась, и в кабинет стремительно влетел его партнер, Максим Стахов.

– Как ты вообще мог додуматься до такого? – начал он с порога, и в его голосе слышалось неприкрытое изумление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.